

Грузовик выехал с широкой магистрали на извилистую проселочную дорогу. Водитель, низко надвинув на глаза кепку, бросил взгляд в зеркало заднего вида. Убедившись, что преследовавшая его машина отстала, он наконец успокоился и набрал номер того самого человека. Телефон завибрировал на приборной панели.

Водитель предусмотрительно отключил трансляцию экрана. Из динамика послышался женский голос с чарующими бархатными нотками:

— Все готово?

Он выпрыгнул из кабины, проверил замки на кузове и отпрапоровал:

— Да, капитан.

— Хорошо, действуем по плану, — женщина, судя по всему, пребывала в отличном настроении.

— Да, и когда вернешься, передай им, что здесь безопасно.

В это время в одной из вилл женщина в темно-синем военном мундире стояла на небольшом балконе. В воздухе едва уловимо пахло мятой и табаком. Телефон лежал на столике позади нее, но она смотрела в ночное небо над пригородом, словно пара далеких звезд внезапно показалась ей интереснее всех дел на свете.

— Капитан, — водитель замялся, подбирая обращение, — он просил передать вам кое-что.

Услышав это, женщина мгновенно развернулась, забыв о небе, и, схватив телефон, дрожащим голосом спросила:

— Кто он?

— Ваш брат.

Внезапно руки женщины ослабели, и телефон с глухим стуком упал на ковер. Водитель, видимо, услышав шум, обеспокоенно позвал:

— Что случилось? Капитан!

Она замерла на несколько секунд, затем быстро подняла телефон и торопливо проговорила:

— Что он сказал? Что-то пошло не так?

— Нет, он сказал... — водитель замялся, чувствуя, что передавать такие слова в качестве подчиненного — не лучшая затея.

Заметив его нерешительность, женщина сразу поняла, что ничего лестного в этих словах нет, и, не став давить на водителя, усмехнулась:

— Просто повтори дословно.

Но водитель, похоже, был тем еще прямолинейным чурбаном и даже попытался скопировать интонацию того человека:

— Передай ей: пусть не ведет себя как дикая лошадь, раз ее никто не контролирует, и не увлекается беспробудным курением, пьянством и завивкой волос. Курить научилась быстро, а вот у брата Цая чему-нибудь хорошему поучиться не судьба. Если так пойдет и дальше, завтра она сможет выступать с номерами в жанре сяньшэн — возрождать искусство разговорного жанра древности.

Слова прозвучали так живо, будто в ушах бедной барышни зазвучал голос Фэн Бэя, превратившись в 3D-аудиолекцию. Она бросила взгляд на бар в шкафу, накрутила на палец прядь волос и фыркнула:

— Тогда передай ему в ответ: я купила шкаф отменного алкоголя, но он его не попробует, так что пусть захлебнется слюной.

Сегодня вечером Фэн Бэй заметил, что Тан Цунъюнь ведет себя странно. Хотя тот и раньше постоянно вилял перед ним хвостом, сегодня он то и дело поднимал на него взгляд. Даже когда тренировка закончилась, парень не сводил с него глаз, словно хотел о чем-то спросить.

Фэн Бэй обнимал Цай Чэня за плечи, чувствуя, как взгляд этого щенка, впившийся в него, словно в кость, пробирает до мурашек. Ему пришлось потянуть Цай Чэня за собой, ускоряя шаг. Обернувшись в последний раз, он увидел, что Тан Цунъюнь уже отвернулся и уходит. Цай Чэнь, которому тоже стало не по себе, толкнул Фэн Бэя локтем:

— Что у вас с ним? Только что он смотрел на тебя так, будто хотел просверлить дыру. Ты его чем-то задел?

— Я сам в недоумении, — Фэн Бэй выудил из кармана Цай Чэня телефон Тан Цунъюня, проверил по системе позиционирования красную точку, удовлетворенно кивнул и сунул обратно. Он искоса взглянул на Цай Чэня: — Не забивай голову. Что может быть у ребенка на уме? Максимум — влюбился в меня.

— Ну ты и толстокожий! — Цай Чэнь не нашелся, что ответить. С тех пор как он познакомился с Фэн Бэем и его драгоценной младшей сестрой, его терпение заметно возросло. Раньше, когда они вдвоем начинали его подкалывать, он от ярости терял дар речи, а давление подлетало до небес. А теперь? Теперь он спокоен и научился воспринимать этих двоих как пустое место. Спасибо им, что в свои самые горячие годы он понял: злиться вредно для здоровья, а умирать от злости — глупо. Он успешно превратился в безмятежного буддиста.

Перекинувшись парой колкостей, они разошлись по домам.

Шумная жизнь продолжалась, и порой казалось, что никаких интриг и заговоров не существует вовсе. Тан Цунъюнь постепенно привык к жизни в спецгруппе. В прошлое воскресенье он весь

день просидел в 404-й комнате, играя в карты с У У и Юэ Хэнцином. В итоге Тан Цунъюнь проиграл в пух и прах — не потому, что не умел играть, а потому что кое-кто, желая компенсировать те дни, когда Тан Цунъюня не было рядом, провернул несколько не самых честных трюков.

В отсутствие Тан Цунъюня У У и его новый друг Юэ Хэнцин отлично проводили время. Они нашли друг в друге родственные души — конечно, со стороны У У это было одностороннее обожание, ведь он никогда раньше не встречал человека, который был бы так терпелив к его бесконечной болтовне.

Сегодня был вторник, и у Тан Цунъюня появилось новое развлечение — донимать Фэн Бэя.

Эта мысль пришла к нему после встречи с профессором Яном. Неизвестно, что у него там переклинило, но он действительно взялся за это великое дело — по крайней мере, так это выглядело в глазах Цай Чэня. Каждый день в обеденный перерыв он заглядывал в кабинет Фэн Бэя, прислонившись к дверному проему и наблюдая за занятым офицером. От его былой стеснительности не осталось и следа, и в последнее время его поведение становилось все наглее! Он умудрялся приставать к Фэн Бэю даже во время тренировок по стрельбе, а следующим шагом, судя по всему, должны были стать ночные звонки!

Больше всего Цай Чэня поражало терпение Фэн Бэя — он до сих пор не вышвырнул парня вон! А то, что он увидел сегодня, и вовсе выбило почву из-под ног. Бедный капитан Цай, чье мировоззрение формировалось двадцать с лишним лет, рухнуло в одночасье. Если бы он не видел этого своими глазами, он бы ни за что не поверил.

Дело было так: в полдень, под палящим солнцем, Тан Цунъюнь, как обычно, просочился в кабинет Фэн Бэя. Он грациозно прислонился к дверному косяку, а затем привычным жестом подошел к рабочему столу. На самом деле у Фэн Бэя почти не было работы — либо Ласруй подсовывал ему какие-то пустые отчеты, либо это были личные дела. Но каждый раз, когда приходил Тан Цунъюнь, он делал вид, что страшно занят, безмолвно протестуя против бесконечных домогательств.

На столе стоял стакан фруктового чая, переливающегося оранжево-зелеными оттенками. Когда Тан Цунъюнь приблизился, Фэн Бэй сделал вид, что не замечает его, и продолжил изучать документ, который читал уже сотни раз. Это была всего лишь одна страница. Парень, искавший повод заговорить, внезапно заметил чай.

Он просиял, словно нашел величайшее сокровище. Вспомнив вчерашнюю небрежную фразу Фэн Бэя о том, что здесь нет нормальных напитков, он почувствовал, как внутри разливается тепло. Не смея прикоснуться к стакану, он с горящими глазами и дрожью в голосе спросил:

— Это мне?

— Угу, — ответил Фэн Бэй, даже не подняв головы, будто ему было совершенно все равно. Тан Цунъюнь почувствовал, как сердце кольнуло от нежности, и, не удержавшись, буквально взобрался на стол: — Офицер Фэн, что вы читаете? Почему каждый раз, когда я прихожу, вы

работаете?

— Если бы ты не приходил так часто, ты бы не всегда заставлял меня за работой, — Фэн Бэй нарочито сурово нахмурился, пытаясь уйти от темы, но в глубине души он продолжал безмолвно заботиться о нем, как и в тот раз с лекарством.

— Но я же учусь, — улыбнулся Тан Цунъюнь, отпил глоток чая и подался вперед, сокращая дистанцию. — Офицер Фэн, научите меня стрелять, пожалуйста, я хочу быстрее освоиться.

С того ракурса, под которым он смотрел, была видна кожа под расстегнутым воротом офицера. На этот раз он не покраснел, лишь почувствовал, что в горле пересохло, и торопливо сделал еще несколько глотков чая.

Мужчина на мгновение изменился в лице, но затем мягко улыбнулся, с оттенком досады ответив:

— Разве ты еще не научился?

— Я хочу научиться еще лучше.

За последние дни Тан Цунъюнь выработал свою тактику. Изначально он приближался к Фэн Бэю, чтобы привлечь его в свой лагерь, но теперь цели изменились. Он вывел триста способов, как укротить Фэн Бэя, и все они сводились к одному — мягкое давление. Этот человек точно не устоит перед «мягким подходом», а «жесткий» он пока пробовать не решался — кишка тонка.

— Тебе не нужно учиться так много, Клан Тан заберет тебя обратно, — Фэн Бэй едва не произнес это вслух, но вовремя прикусил язык. Его пальцы, сжимавшие лист бумаги, напряглись, он ухватился за край стеклянной панели стола и едва слышно вздохнул: — Тренируйся с капитаном Чэнем, не ленись. Если что-то не получится — приходи ко мне.

Эти слова услышал Цай Чэнь, который как раз вошел, чтобы обсудить личные дела. Он впервые слышал, чтобы Фэн Бэй пошел на такие уступки, да еще и таким тоном. Ему показалось, что он ошибся дверью — вместо язвительного и вечно недовольного капитана здесь сидит какой-то Фэн Добродушный!

Войдя, он увидел, что Тан Цунъюнь нагло уселся прямо на стол — мир внезапно стал еще более сюрреалистичным. А когда он заметил, что тот самый чай, который Фэн Бэй заставил его купить, оказался в руках у этого щенка, в голове все сложилось в единую картину.

— Кхм-кхм... — он замер на пороге, нарушая атмосферу неловким кашлем, и, с трудом соображая, подошел к столу, смущенно поглядывая на Тан Цунъюня. Тот тоже не ожидал, что Цай Чэнь войдет в такой момент, и на мгновение смутился, но это чувство быстро улетучилось.

— Я пойду, у меня скоро тренировка, — сказал Тан Цунъюнь и почти выбежал из кабинета,

оставив Фэн Бэя и Цай Чэня наедине.

— Вы двое... — Цай Чэнь перевел взгляд с двери на Фэн Бэя и, не зная, что сказать, вместо «вы что, вместе?» выдал: — Ты совсем совесть потерял! Как ты можешь так с ним обращаться?

Фэн Бэй отложил документ, закинул ногу на ногу и с загадочной улыбкой ответил:

— Нет, до такого еще не дошло. Но чем старше он становится, тем лучше у него получается строить глазки.

— Да уж, все говорят, что феромоны — это отражение характера, — Цай Чэнь бросил на него взгляд, скользнул глазами по расстегнутому воротнику и, указав на него пальцем, добавил: — Имел бы хоть каплю приличия. С твоим-то воротом — нехорошо, когда маленький Тан это видит.

— ... — Фэн Бэй, похоже, впервые оказался загнан в тупик и, не найдя подходящего ответа, просто отвесил ему пинок: — Бунт затеял?

<http://bllate.org/book/22097/2297918>